

Трудный возраст

Путеводная Нить

Холод... Холод забирается под куртку, не способную согреть маленькое худенькое тело, выламывает покрасневшие пальцы и проходится по лицу болезненными укусами. И страх... Страх, что сделанного уже не вернуть, и ее жизнь кончилась. Хотя жизнь кончилась еще в тот день, когда ей сообщили о смерти брата. Только Хирото ее любил по-настоящему. А Томоз нет. Он только улыбался точно так же, как братик, но все врал. Хотя ей всегда все ввали. Она никому не была нужна. Ее просто подобрали из жалости, как паршивого котенка. Точнее, она и была паршивым котенком. Грязным и жалким, и не ценящим чужой помощи.

Юка шмыгнула носом и бросила взгляд в сторону ресторана, отнявшего у него брата и давшего в замен людей, которые пытались стать для нее новой семьей. Кто знает, может это и получилось бы, но после всего произошедшего надеяться ни на что уже не стоило. Она не могла показаться на глаза приемным родителем. Да и попасть в квартиру тоже. Ключи пропали, и явно попали в руки Томоз, пусть теперь он и притворялся, будто ничего ничего об этом не знает. И единственное, что ей оставалось - это просто стоять на холоде, смотреть на этот дурацкий ресторан, но так и не решаться туда зайти. Как не решилась она раньше ответить на звонки и сообщения, поскольку только из-за нее ограбили квартиру и покалечили женщину, которую она иногда разрешала себе считать мамой...

Юлиана Кръсто

- Писать объяснительные. Как будто вы будете их читать, - проворчала Юлиана вслед уходящему мужчине и улыбнулась.

Юлиана встала с кресла, размяла затекшую спину и сложила одеяло и плед. Посмотрев на фотографию Хирото, приклеенную к шкафчику, она вздохнула и покачала головой, вспомнив, что сеньор Фернандес рассказал про девочку. Может, это неправда, и ограбление квартиры никак не связано с сестрой Хирото. Юлиана несколько раз видела Юку, и девочка показалась ей очень спокойной и доброй. Сеньор Фернандес с нежностью отзывался о ней. В принципе, сеньор Фернандес отзывался с нежностью про всех, вот только когда он говорил о своей дочери, в его голосе чувствовалась усталость и строгость. С Яреци, так вроде звали его дочь, Юлиана разговаривала лишь однажды. И не помнила, видела ли ее вживую. Впрочем, неважно.

Выбросив бумажный стаканчик в мусорное ведро, Юлиана вышла из комнаты отдыха. Прошла на кухню, остановившись в зале. Народу было очень мало. Да, из-за дождя всем лень сидеть в ресторане. Юлиана представила себя дома, с чашкой какао с маршмеллоу, желательно в кресле-качалке, и грустно вздохнула. Дома не было кресла и какао.

Какао можно купить. Девушка надела куртку и отправилась к выходу. Дождь уже был не такой сильный, как несколько часов назад, и Юлиана улыбнулась. Она любила дождь.

Направившись к близлежащему супермаркету, девушка увидела худенькую маленькую фигурку. Присмотревшись, она узнала в девочке Юку. Пошла к ней.

- Юка? - спросила она, подходя к ней.

Путеводная Нить

Казалось, покрасневшие мокрые пальцы уже никогда не начнут гнуться. А, может, вообще отвалятся, оставив ее с изуродованными ни на что не способными руками. Хотя какая теперь разница? Ничего хорошего ее все равно уже больше не ждет. Даже если она умрет прямо здесь, перед рестораном, через какое-то время все о ней забудут. Как забыли и о ее брате, который всегда всем помогал...

От мрачных размышлений Юку отвлекло собственное имя, произнесенное знакомым голосом. С этой женщиной она старалась не пересекаться, каждый раз вспоминая про умершего по ее вине брата. А вот сейчас, словно желая ее добить, та, что темной мрачной тенью прошла по жизни ее семьи, сама зачем-то решила подойти к одной из своих косвенных жертв.

- Простите. - Юка не хотела вступать в разговор, решив уйти подальше от ресторана и снова отправиться бесцельно бродить по улицам, но не успела сделать и пары шагов, как остановилась и оглушительно чихнула. Она уже и не помнила, сколько времени провела на холоде, после того, как Томоз, отказавшись отвечать на вопросы, сказал ей убираться куда подальше. Но раз уж терять было нечего, оставалось только окончательно замерзнуть до смерти. Все лучше, чем отвечать на вопросы женщины, выглядящей слишком красивой и счастливой, в то время как Хирото больше никогда не улыбнется ласковой улыбкой своей маленькой сестренке.

Юлиана Кръсто

И вот тут было два варианта: либо отправиться за какао, проигнорировав девочку, хотя это будет нелогично хотя бы из-за того, что она сама обратилась к девочке, либо как-то попытаться помочь ей. И очень сильно хотелось какао, вот прям до невозможности сильно. И маршмеллоу. Можно без кресла-качалки. Юка собралась уйти, но чихнула, остановившись. Юлиана покачала головой и, постояв немного, направилась к девочке, надеясь, что она сейчас не убежит от неё. Потому что догнать её Юлиана точно не сможет. Да и малыш вряд ли скажет ей "спасибо", если своими опрометчивыми действиями она спровоцирует его рождение, когда он ещё не готов. Ей сказали, чтобы явилась в такой-то день, и, если она не будет ещё готова к родам, то ее положат на сохранение. Можно, конечно, вызывать искусственно роды, прыгая, делая ремонт, бегая, но зачем?

А какао есть в баре. И маршмеллоу тоже.

Юлиана сняла куртку и накинула ее на плечи девочки.

- Ты сильно замёрзла и промокла, тебе надо согреться, иначе ты можешь заболеть, - сказала Юлиана, переборщив с тембром голоса, поэтому он оказался нежным и слегка сюсюкающим. Да, у нее разыгрался материнский инстинкт, она захотела пригреть эту девочку и оградить ее от всех бед. Главное, чтобы девочка ей не

врезала, не толкнула ее или не сделала ещё что-то, из-за чего могут начаться проблемы с ребёнком...

Путеводная Нить

Меньше всего Юка ожидала проявления заботы от женщины, из-за которой умер ее брат. Ведь та легко обо всем забыла, нашла себе мужа, похожего на Хирото, и теперь ходила вся такая довольная и светящаяся, словно ничего не случилось. Для нее официант по фамилии Одагири был всего лишь крохотным эпизодом, а для его сестренки он являлся всей жизнью, которую не могла заменить ни теплая куртка, ни ласковые слова.

- Ничего мне не надо, - пробурчала девочка себе под нос, с большим трудом стягивая с себя куртку и возвращая хозяйке. Сначала она хотела сказать что-то более грубое, но вовремя остановилась. Пусть Юка и не испытывала любви к этой женщине, но она была беременна. А малышей, как всегда говорил Хирото, надо было защищать. Даже еще не появившихся на этот свет.

- Да и какая вам вообще разница, заболею я или даже умру? Подумаешь, просто на одну японскую девочку станет меньше.

Юка снова шмыгнула носом и потерла ладони о промокшую юбку от школьной формы. Лучше не стало. Пальцы практически перестали ее слушаться, рождая шальную мысль, что немного где-то погреться - это не самый худший вариант. Хотя соглашаться со словами кровавого повара она не собиралась, даже если в глубине души и признавала их правоту.

Юлиана Кръсто

Юлиана взяла куртку и, покачав головой, надела ее. Все-таки было уже холодно, и заболеть совершенно не хотелось. Потому что сопли у нее могут быть чем-то плохим и страшным у маленького сына. А лишний раз искать повод для переживаний она не хотела.

Юлиана прекрасно понимала, что чувствует девочка, но не знала, что ей сказать, как утешить или поддержать. Ее саму до восемнадцати лет, а именно тогда наступает совершеннолетие в Болгарии и ряде других стран, никто никогда не поддерживал. Ей приходилось работать, чтобы обеспечивать себя едой и одеждой. А мама и папа с тех пор, как им показали тело Христо, перестали ее называть дочкой. Она стала для них соседом по квартире. По вине которого умер их любимый мальчик.

Эти воспоминания острым лезвием прошли по душе, оставляя болезненное чувство. Она поморщилась.

- Юка, я знаю, что ты меня ненавидишь. Я и сама себя ненавижу. Мне до сих пор тяжело смотреть на его фотографию. Но я прекрасно понимаю тебя. Мне было десять, когда погиб мой брат. Его убили и пытались скрыть следы преступления, выдав за несчастный случай. До совершеннолетия у меня не было вообще никого, с кем можно было поговорить. А потом...

А потом появился Джан, и ее ад перешел на другой уровень. Передернувшись от

болезненных воспоминаний, она посмотрела на небо - только для того, чтобы высушить свои слезы.

- Ты любишь какао? Пойдем, тебе надо погреться и обсохнуть, - вздохнула Юлиана через какое-то время и внимательно посмотрела на девочку.

А потом кивнула и вошла внутрь. Юка знала, где находится комната отдыха, и Юлиана направилась напрямиком к барной стойке, чтобы сделать вкусное какао.

Путеводная Нить

Юка впервые слышала про смерть брата женщины, чье имя она не любила даже произносить, но даже узнав, что той пришлось проходить через похожие страдания, девочка не испытала особого сочувствия. События далекого прошлого не отменяли смерть Хирото, как и оправдания не могли изменить того факта, что ее утро больше никогда не начнется с самой красивой и светлой из известных ей улыбок. Юка много раз спрашивала себя, зачем Хирото вообще пошел в квартиру этой иностранки. Неужели, она понравилась ему так сильно, как и ей Томоз? Настолько, чтобы получить нож в спину?

На предложение женщины пойти погреться Юка только всхлипнула, на этот раз не из-за дурацкого заложенного носа. Но почему-то через пару минут все-таки зашла в ресторан. Здесь было намного теплее и вкусно пахло, словно запах еды впитался в сами стены, уже на входе даря гостям ожидание сытого и довольного желудка. И, немного постояв у двери, девочка все-таки направилась в комнату отдыха, хотя не сказать, чтобы какао из рук неприятного ей человека было именно тем, чего она сейчас действительно хотела. Правда, в своих желаниях Юка не могла толком разобраться и сама, понимая, что единственное, о чем она действительно мечтала - перенестись на несколько лет в прошлое, было и оставалось недостижимой мечтой.

Юлиана Кръсто

Юлиана краем глаза увидела, как девочка вошла в ресторан и направилась в комнату отдыха, и кивнула. Сделав какао и положив туда много маршмеллоу, она взяла поднос и пошла в комнату отдыха. Поставила поднос на стол и вытащила из шкафчика одеяло, которым около двух часов назад заботливо укрыла сеньора Фернандеза. Положила на диванчик, не надеясь, что та захочет накидывать его на свои худые озябшие и промокшие плечи, и подвинула одну чашку.

- Я понимаю, что тебе не хочется ничего обо мне знать или видеть меня. Не удивлюсь, если ты хотела, чтобы я тогда была на его месте. Мне этого тоже хотелось. Но позволь мне помочь тебе. Твой папа сильно переживает, что ты не ответила на его сообщения. Он боится, что с тобой что-то случилось. Что с тобой произошло? У тебя в школе проблемы и ты боишься, что папа тебя будет ругать?

Сеньор Фернандез рассказывал ей как-то, что Юка влюбилась в какого-то мальчика, который у него не вызывает доверия. А еще сеньор Фернандез сказал, что боится, что этот парень испортит эту светлую и добрую девочку.

Юлиана не говорила ей про то, что знает об ее отношениях с мальчиком и реакции на это сеньора Фернандеза. И хоть Моррис, когда это рассказывал, казался грубым,

Юлиана все равно знала, что мужчина простит свою приемную дочку, даже если та вынесет всю квартиру.

- Ты мне можешь ничего не говорить, но твой папа... он простит тебя, Юка, что бы ты ни сделала. Если тебе страшно говорить с ним, то я могу поехать с тобой.

Юлиана размяла свою спину и посмотрела на девочку. Так хотелось обнять ее, защитить от всего мира. Подарить чуточку тепла и спокойствия. Она не надеялась, что девочка когда-то станет относиться к ней по-другому. Пусть она будет ее ненавидеть, проклинать ее, но Юлиана хотела, чтобы эти проклятия и ненависть были от счастливой девочки, которую любят и не презирают. Ведь сама Юлиана узнала, что ее могут полюбить и она кому-то нужна, только после выхода из больницы. Хотя она не была уверена, что навестила бы Хиро, если бы ее об этом не попросил Сугино-сан.

Путеводная Нить

Добравшись до комнаты отдыха, Юки уселась на край диванчика, принявшись пустым взглядом разглядывать свои худые колени ровно до момента, как в помещение вошла женщина с двумя чашками. И пусть Юка не слишком хотела продемонстрировать ей свою слабость, за какао принялась практически сразу, как у нее появилась такая возможность, сделав большой глоток горячего напитка и тут же закашлявшись.

- Не надо мне помогать, - буркнула девочка прокашлявшись, а затем снова взялась за чашку, но практически сразу убрала руки и положила их на колени. - Я сама со всем справлюсь.

И хоть Юка храбрилась, больше всего ей сейчас хотелось зареветь от отчаяния. Она не верила, что после всего ее можно простить, раз пострадала та, кто пытался заменить ей мать. Да и если бы ее простили, разве могла бы она жить как раньше? Смотреть в глаза приемным родителям? Случайно сталкиваться с мерзким Томозэ и зать, что он смеется над ее наивностью и глупостью.

Юка что есть силы сжала руками край своей юбки, стараясь сдержаться и не показать себя испуганным ребенком. Пальцы постепенно возвращали способность нормально двигаться, но от этого легче не становилось. Сейчас девочке хотелось забиться к какой-нибудь маленький теплый уголок и больше никогда оттуда не высываться. А еще лучше - заснуть и никогда не просыпаться, особенно если в ее снах будет братик, ну или хотя бы стая собак, рвущих Томозэ на части.

Юлиана Кръсто

Девочка быстро взялась за какао и, вероятно, обожглась. Юлиана хотела посоветовать ей пить маленькими глоточками, чтобы не обжечься, но в последний момент остановила себя. Материнские инстинкты просто рвались наружу, и это было как-то странно, особенно если учесть, что в начале беременности она на полном серьёзе хотела делать аборт. Все эти месяцы беременности пролетели как одно мгновение, радостное и счастливое. Она помнила, как сначала хотела девочку, а потом подумала, что сможет воспитать мальчика. Произошло это на УЗИ, когда на ранних сроках ей сказали "у вас будет мальчик". Какой мальчик?! Она хочет девочку,

и точка! Выйдя из больницы, она на полном серьёзе стала думать, что надо избавиться от ребенка. А на следующий день после разговора с Хиро, когда он ее успокаивал, она поняла, что мальчик - это прекрасно. Это защитник.

Последнее УЗИ подтвердило, что у нее будет мальчик...

Рассерженный, чуть слабый голос Юки вернул ее в реальность, и Юлиана внимательно посмотрела на девочку. Пальцы судорожно сжимают края юбки, желваки на челюсти трясутся, как будто девочка из последних сил пытается не заплакать. Юлиана подумала позвонить сеньору Фернандезу и сказать, что Юка нашлась. Пусть он приедет и сам разбирается со своей приемной дочкой.

- Да, конечно. Я понимаю. Ты взрослая, со всем справишься, - сказала Юлиана. - Но не забывай, пожалуйста, что есть люди, которые тебя любят. Обратись к ним, они тебе помогут. Они тебя простят и примут. Я знаю, о чем говорю. У меня не было таких людей.

Интересно, а какой бы стала ее жизнь, если бы тогда родители уделили хотя бы немного внимания своей дочери? Вероятно, всего этого бы не было. И не было бы Джана. И Хиро... и маленького сына, над именем которого они думают, разрываясь между болгарским и японским именем.

Юлиана кивнула и взяла свою чашку с какао. Отпила немного и слабо улыбнулась.

Путеводная Нить

Слова женщины если и достигали сознания девочки, то явно не давали того эффекта, ради которого они были произнесены. Юка не могла до конца поверить в то, что ее кто-то искренне любил. Жалел - возможно. Но вот с любовью все получалось куда сложнее, ведь пара иностранцев не обязана была любить обычную японскую девочку, которая появилась в их доме уже подростком.

- Откуда вам знать, если у вас таких людей не было? - Юка подняла глаза на женщину, а затем снова их опустила, чувствуя себя до крайности мерзко. Грубить беременной женщине было нехорошо. Пусть та и не слишком ей нравилась. Хотя все, что она последнее время делала сейчас казалось ей отвратительным. И ее не оправдывало желание быть рядом с Томозэ и помогать ему, когда он говорил, что кроме нее его никто не понимает. А она на все это велась, как последняя дура...

На тыльную сторону ладони упала слеза, и Юка постаралась ее как можно быстрее стряхнуть, чтобы окончательно не опозориться. Да и не было смысла плакать. Это не могло ничего изменить, как литры слез, выплаканные на похоронах брата, не могли вернуть к жизни единственного человека, которому она полностью доверяла. И оставалось только смириться с тем, что как раньше уже не будет никогда.

Моррис Фернандез

У Сэтоши Мотидзуки были далеко не все полномочия, чтобы управлять рестораном, но Моррис не хотел передавать ему все свое дело. Потому что тогда он останется без этого ресторана и будет находиться дома. Хотя дома у него нет. Кто знает, как бы он сейчас жил, если бы Рикардо отказался от этой идеи. Может быть, не было бы

сейчас такой сильной и даящей тоски по Лауритте и дочери. Может быть, тогда стоило не обижаться на Лауру, а приехать к ней и помочь ей справиться с последствиями действий Маркуса. Кто знает, какой бы итог сейчас был?

Моррис стоял на пороге своей квартиры. Было холодно, но это был холод в душе. На что он вообще надеялся, оставив столько сообщений девчонке? Неужели он думал, что она будет слушаться его?

- Идиот, - болезненно поморщился сеньор Фернандез, ударяя кулаком по маленькой тумбочке, стоящей у входа.

Было больно. От осознания того, что, вероятно, он действительно стал одиноким, никому ненужным стариком. Старым "пе**уном", как сказала та молодая женщина с ребенком в самолете. Моррис хмыкнул - он и не думал, что это его так сильно заденет. Ему казалось, что это неприятный эпизод в жизни, который можно забыть, и чтобы это сделать, достаточно всего лишь было обнять свою любимую женщину и вечером поболтать с приемной дочкой. Но это было бы слишком просто. Жизнь не любит, чтобы было все просто.

Моррис прошел на кухню и достал из шкафчика бутылку виски. Посмотрел на нее, а потом плеснул немного напитка в стакан. Встал у окна и посмотрел на темнеющую улицу. Несколько глотков, с которыми пришло легкое чувство опьянения.

Гильермо несколько лет назад бросил все, уехал в Мексику, купил себе небольшой домик в отдаленном районе и прекрасно живет там. Он бросил все, чтобы найти душевное спокойствие. Он не общается со своей дочерью и ее детьми, они о нем не вспоминают, и всем хорошо. А Моррис...

Неужели он думал, что Юка полюбит его? Ведь он тоже был виноват в смерти ее брата. В тот роковой день он должен был запретить им пить, а Юлиана должна была остаться в ресторане. Или он сам бы ее проводил. Интересно, кто-нибудь о нем бы помнил, если бы тогда его убили?

Поняв, что вряд ли, Моррис вздрогнул и допил остатки виски, что были в стакане. Кто о нем бы вспоминал? Вероятно, только Лауритта. Может быть, она была бы жива до сих пор. Кто знает?

Оставаться в этой холодной и пустой квартире он не хотел. К Жюли ехать? Но нужно ли ей это? Остается ресторан. Там спокойнее. Там можно закрыться в своем кабинете и работать, обдумывая что-то новое.

Через полчаса такси остановилось около ресторана, и мужчина вошел в него. И тут его ждали новости. Юка сидела в комнате отдыха, и Моррис направился туда. Его не обманули - на диване сидела Юка, а в кресле была Юлиана. Моррис кашлянул.

- Оставьте нас, - сказал он Юлиане.

Юлиана Кръсто

- Потому что если бы у меня были такие люди, то твой брат был бы сейчас жив, - в

тон девочке ответила Юлиана. - У тебя есть возможность никогда не понять, что это такое, когда единственный, кому ты нужен - это только ты сам. Уход важных нам людей нас сильно ломает, и мы совершаем поступки, о которых потом будем жалеть.

Жалели ли ее родители? Да, но скорее о том, что Христо никогда больше не вернется. Переживали ли они за нее, когда она связалась с Джаном? Нет. Они переживали только за себя, сильно испугавшись угроз этого отморозка. Знали ли они о том аду, который она пережила, борясь за свою жизнь и жизнь полицейского, в которого она имела неосторожность влюбиться? Вряд ли. Что им рассказали о смерти Джана? Наверное, они уверены, что она, неблагодарная дочь и шлюха, убила бедного мальчика.

Тяжело жить, когда родителям плевать на тебя. Но Юлиана всегда была благодарна судьбе, что та подарила ей второй шанс. Самый прекрасный и лучший шанс, который только может быть.

Пока она рассуждала, в комнату отдыха вошел сеньор Фернандез, заставивший ее вздрогнуть. Встав с кресла, она кивнула Юке и удалилась из комнаты отдыха. Начальник попросил ее сделать ему кофе, правильный, не из кофе-машины, и девушка направилась на кухню варить этот напиток.

Путеводная Нить

Пожалуй, сейчас Юка не была готова строить настолько сложные умозаключения, вроде того, как наличие близких людей у сидящей перед ней женщины могло повлиять на жизнь ее брата. Да и вообще, вся поступающая информация воспринималась плохо, словно застревала где-то по дороге к ее сознанию. Но если попытки донести до девочки какие-то важные вещи и не возымели особого успеха, наталкиваясь на молчаливое непонимание, то вот появление сеньора Фернандеза было сравнимо с эффектом разорвавшейся неподалеку гранаты, заставляя Юку вскочить с дивана и бросить отчаянный взгляд на выход из комнаты. Но единственный путь к отступлению был блокирован внушительной фигурой ее приемного отца, не оставляющей иного варианта, как усесться обратно на диван и сжаться в испуганный комочек.

- Простите, - жалобно пропищала Юка, низко опуская голову и еще сильнее, чем раньше, хватаясь за край юбки. Ничего больше сказать она не могла. Оправдываться? В этом не было смысла. Она была виновата и прекрасно это понимала. Ведь не так важно, что заставило приемных родителей принять ее в семью. Эти люди кормили ее и обеспечивали, а она навела на них грабителей, из-за которых пострадала мама, а, точнее, женщина, которую Юка временами очень хотела считать своей матерью.

Моррис Фернандез

Задумчиво посмотрев вслед удаляющейся Юлиане Моррис не заметил, как девочка вскочила с дивана, поэтому увидел только, как она испуганно вжалась в комочек. Хотелось крикнуть на нее, дать ей затрещину, но эта мысль быстро покинула его мозг. Нельзя совершать импульсивные поступки. Моррис подошёл к креслу и опустился в него. Внимательно посмотрел на девочку и покачал головой. Пока ему

не принесли кофе он просто сидел и молчал, думая, как правильно начать разговор с ребёнком.

Юлиана принесла кофе, и Моррис кивнул и принял у нее чашку с блюдцем. Отпил немного напитка и удовлетворённо кивнул - она всё сделала правильно, а теперь может уходить и закрыть дверь. Когда его молчаливое пожелание было выполнено, Моррис отпил ещё немного кофе и поставил чашку на блюдце, а его убрал на стол. Сложил руки в замок, упёрся локтями о свои колени и уткнулся подбородком в сложенные руки. Ещё недолго посмотрел на девочку.

- Не хочешь что-нибудь рассказать? - Спросил он, делая свой голос сердитым и строгим.

Пока девочка собиралась с мыслями, он продумывал тактику разговора с ней. Кое-что он уже продумал.

Путеводная Нить

Пока сеньор Фернандез ничего не говорил, Юка тоже молчала, так и не поднимая головы и надеясь, что сейчас произойдет что-то несусветное, позволяющее ей раствориться в воздухе или стать невидимой. Она была согласна даже исчезнуть из этого мира, лишь бы только не чувствовать на себе взгляда приемного отца, от которого хотелось жалобно поскуливать, как бездомная собака, пойманная на краже мяса. А уж когда тот задал ей вопрос, девочка вжалась в диван с такой силой, словно этот несчастный предмет мебели мог поглотить ее вместе со всеми ужасными поступками, что она совершила, с трудом находя сила хоть на какой-то ответ.

- Я... Простите, - снова выдавила Юка, понимая, что от нее ждут совсем не извинений, а связного рассказа о том, как она умудрилась навести воров на собственную квартиру. - Я не знала, что так получится, иначе никогда бы не пошла к Томоз. А потом у меня пропали ключи и...

Дальше говорить девочка не смогла, вместо подробностей снова захлюпав носом. Ей все еще удавалось сдерживаться от рыданий, но запас прочности постепенно подходил к концу, в то время как отчаяние только продолжало расти, заставляя Юку чувствовать полнейшую безысходность, даже несмотря на произнесенные недавно слова о готовности приемных родителей ее простить.

Моррис Фернандез

- Я не знала, что так получится, - проворчал мужчина, чувствуя, что просто не может не ругаться на нее. - А что ты вообще знала или о чем думала?! Ты думала, что этот Томоз будет доброжелательным к тебе, внимательным?! Думала, что уйдя к нему ты получишь то, чего у тебя не было? В чем он такой прекрасный-распрекрасный?

Моррис говорил сердитым и раздраженным голосом. Говорил достаточно громко, задним умом понимая, что не стоит устраивать семейный скандал в ресторане. Потому что, хоть он и доверял большинству своих сотрудников, понимал, что не стоит слишком сильно повышать голос. Потому что могут пожаловаться. Ювенальная юстиция, распространенная в Европе и США, не добралась до Японии.

Но все равно здесь тоже было много всего непривычного для иностранца, и опасности подстерегали на каждом углу.

Видя, как бедный ребенок держится из последних сил, чтобы не заплакать, а также вжимается в диван и не поднимает головы, сеньор Фернандес покачал головой и смягчился.

- Малыш, - так он ласково называл ее в самые тяжелые моменты, успокаивая и обнимая. Так было в те времена, несколько лет назад, когда появилась жуткая статья про Юлиану и его самого. В той статье было написано, что он пристаёт к бедной девочке и совершает действия насильственного характера по отношению к ней. Тогда Юка подралась в школе с одноклассником, а вечером плакала в своей комнате. Моррис тогда ее не ругал, ибо было не за что.

- Понимаешь, этим поступком ты поставила под угрозу свое будущее. Плевать на нас. Но пойми, Юки, что если об этом узнают, то ты больше никогда не сможешь вернуться в наш дом. Тебя заберут обратно в приют. Ты же не хочешь этого?

Он внимательно посмотрел на девочку и взял чашку кофе.

Путеводная Нить

Сложные вопросы сыпались один за одним, и Юка понятия не имела, что на них отвечать. Почему она ушла к Томоз? Да просто потому, что он ей нравился. Она хотела видеть его улыбку и слышать его голос. А еще - чувствовать себя не маленькой девочкой, живущей благодаря чужой жалости, а взрослым человеком, способным влиять на свою судьбу и судьбу окружающих. Например, помогать тому, кто ей дорог, и, видя его благодарность, чувствовать себя бесконечно счастливой. Но разве она могла объяснить это своему приемному отцу, который явно не мог ее понять, поскольку никогда не был девочкой-подростком?

- Нет, я не думала. Просто мне с ним было хорошо... - Не имея возможности правильно выразить свои мысли и чувства Юка сказала, даже по ее собственным меркам, что-то очень странное, до конца не объясняющее причин ее поступков. И уж, тем более, никак их не оправдывающее.

- И... я не хочу в приют. - Когда неприятное слово "приют", которое уже давно крутилось в ее голове, было произнесено, Юка не выдержала и разревелась. У нее не осталось сил сдерживаться. Сколько бы она не старалась быть взрослой и храброй, она оставалась испуганной запутавшейся девочкой, которая хоть и не могла до конца поверить в наличие у себя настоящей семьи, боялась потерять те крупицы счастливой жизни, которые приемные родители подарили ей после смерти брата.

Моррис Фернандес

Юка промямлила что-то нечленораздельное, а потом заревела. Моррис достал из шкафчика упаковку салфеток и протянул ей. Сначала хотел швырнуть в нее, но потом подумал, что это будет перебором.

- Разумеется, ты не хочешь в приют. Но кто же об этом думает, совершая то, что

могут запретить родители? Если мы с Жюли тебе не нужны, ты могла бы нам давно сказать, что мы такие плохие, лишили тебя всего, ничего тебе не разрешаем. Но зачем делать пакости? Ты поступила плохо. Думаю, сама это понимаешь.

Моррис ругался. Сначала он хотел пожалеть девочку, успокоить и простить, но так постоянно делал с Яри, и в итоге получилась ужасная эгоистка, которая никогда не думает о ком-то другом. И ему было стыдно перед Тору, который делал все возможное, чтобы сохранить что-то. Хотя после случая с сектой Моррис сомневался, что вообще что-то подобное возможно.

Моррис не хотел думать, что эта маленькая красивая и хорошая девочка из-за его мягкости и желания прощать и успокаивать тоже вырастет эгоисткой и, вероятно, свяжется с плохой компанией. Она уже связалась с плохой компанией, но сейчас хотя бы нашлась. Пусть и не нашла в себе силы признаться. Наверное, это хороший знак.

- И ты не ответила на вопрос, чем твой Томоз такой распрекрасный? Ты думала, что ты нужна ему? Ты думала, что он тебя полюбит? Нет, такие люди не умеют любить. Тебе было с ним хорошо. Так проваливай к нему обратно! Что же ты к нему не вернулась?! А я скажу - ты ему не нужна. Ты для него стала жалким котенком, грязным и ненужным. Он поиграл с тобой и за ненадобностью выбросил на улицу. Что ты дальше собираешься делать?

Моррис говорил спокойным, не громким голосом, в тоне чувствовалась злость и холод. Он хотел простить девочку или хотя бы услышать четкий ответ, что они ее в том-то и том-то не устраивают, вгоняя в рамки. Что она хочет свободы, которая у нее закончилась со смертью Хирото. Моррис вздохнул и, покачивая головой, снова взял чашку кофе и сделал глоток. Вкусный это все-таки напиток...

Путеводная Нить

И опять голос приемного отца резал ее слух, как острый нож масло. А Юка продолжала молчать, потому что не могла ответить ничего, что должно было хоть как-то успокоить сеньора Фернандеза. Она и сама понимала, что поступила плохо, и не видела смысла теперь искать оправдания своим действиям. Да и что она вообще могла объяснить? Рассказать о своих сожалениях? Или снова начать просить прощение? Вместо этого девочка просто приняла салфетки и звучно высморкалась.

- Думала, что нужна, - тихо пробормотала Юка в ответ на очередную отповедь. И чувствовала себя от этого абсолютно счастливой. Не сказать, чтобы ей плохо жилось у приемных родителей. Нет, даже наоборот. За этот период в ее жизни были приятные моменты, но как и многим детям ее возраста ей хотелось большего. Того, что при всем желании не могли дать два взрослых человека. Да еще и тень умершего брата постоянно маячила где-то за ее спиной, мешая поверить в наличие настоящей семьи, которой у нее уже просто не могло быть после смерти Хирото.

- Я не знаю, что мне делать дальше. Но я постараюсь больше не портить вам жизнь. И если вы решите от меня отказаться, я пойму. - Конечно, про Томоз теперь не могло быть и речи. Как и про друзей, явно не относящихся к категории надежных. И как бы сильно ей не хотелось остаться в том доме, к которому она привыкла, Юка

боялась, что уже не сможет вернуть к себе хорошего отношения, поэтому готовилась к самому суровому наказанию, которое полностью заслужила.

Моррис Фернандес

- Не тем ты местом думала, - проворчал Моррис, допивая кофе и прикрывая глаза, чтобы насладиться послевкусием. Прекрасный это все-таки напиток, особенно если уметь его готовить. Кофе-машина не даст такого вкуса и аромата, а на дне чашки не останется кофейной гущи, на которой можно было бы погадать. Мать Лауры одно время гадала на кофейной гуще, и однажды нагадала, что Моррис сделает несчастным ее любимую дочь.

Когда повисло молчание, прерываемое редкими всхлипами бедного ребенка, Моррис обратил внимания на бутерброды. Протянул один дочери, будучи уверенным, что она не ела уже очень давно. Какао уже остыло, но и холодным оно было вкусным. А Юлиана очень хорошо варила какао, и получалось не так сладко, как в той же Австрии, например. А, там был горячий шоколад. Один продукт, в общем.

- И куда ты пойдешь, если мы решим от тебя отказаться? Что ты планируешь делать дальше? - Вопросительно выгнул бровь мужчина. - Знаешь, я хоть и сердит, но понимаю, что без нас тебе будет плохо. Но если ты хочешь, чтобы мы тебя простили, тебе надо рассказать все, что было. Ты сказала, что у тебя пропали ключи. Он их украл у тебя? Твоего Томозэ надо наказать. Я постараюсь тебе помочь, только если ты этого хочешь.

Моррис знал, что если будет известно о том, как именно Томозэ, будь он неладен, ограбил их квартиру, причинив боль и напугав бедную женщину, отняв самую дорогую вещь, которую уже никогда не вернуть, как и все драгоценности и деньги, то пострадает от этого Юка. Им с Жюли вкатят какой-нибудь штраф, девочку заберут в приют. Когда она выйдет оттуда, то уже не сможет жить так, как живет сейчас. Рикардо, когда помогал разбираться со всеми бюрократическими тонкостями, предупреждал, что Юку могут забрать даже за лишний чих или мятую юбку. Рикардо Агирре не был всесильным человеком. Богатым - да, но до решения таких важных вопросов ему было очень далеко. Ведь ни Моррис, ни Жюли не были гражданами Испании.

- Да и твоей маме без тебя будет очень скучно и плохо, малыш, - сказал Моррис, обдумывая дальнейшие слова. - И я думаю решить сегодня вечером, как сложится наша дальнейшая жизнь. У меня есть предложение.

Путеводная Нить

Юка понимала, что приемный отец задает ей тяжелые вопросы специально. Всем и так было ясно, что идти ей некуда и делать она до совершеннолетия ничего толком не может. Разве только болтаться по улицам, пока ее не подберут какие-нибудь социальные службы. Ну или бандиты, хотя даже бандитов, если бы те действительно ходили по Токио толпами, как в раннем детстве пугал ее брат, чтобы его маленькая сестренка не бегала по улицам одна, ей заинтересовать особенно было и нечем.

- Я не знаю, куда делись ключи, - начала девочка с самого простого. - Они были у меня в сумке, а потом пропали. А на мои вопросы Томоз так ничего и не ответил, а потом и вовсе выгнал. Мне бы и в голову не пришло, что это приведет к ограблению.

- Бутерброд, от которого до этого Юка постеснялась отказаться, хотя сейчас, несмотря на чувство голода, ей кусок не лез в горло, выпал из дрожащей руки на пол. И девочка испуганно восторженувшись, наклонилась, чтобы поднять злосчастный бутерброд и салфетками протереть место его приземления.

- Простите, - снова зашелестела Юка, от испуга пропуская последние слова приемного отца. - Я доставляю вам одни неприятности. Но... Я правда не хотела и не хочу вам вредить.

Конечно, девочка уже давно смирилась с тем, что не сможет вернуться во времена, когда Хирото был жив, но сейчас ей хотелось бы отмотать время хотя бы на пару дней назад, до того, как из-за просьбы Томоза о помощи, она совершила роковую ошибку.

Моррис Фернандес

Глядя на то, как Юка роняет бутерброд, а потом поднимает его и протирает место падения салфеткой, Моррис тяжело вздохнул. Покачал головой и встал с кресла. Подошел к ребенку и убрал из ее рук бутер.род и салфетки. Положил все на стол и накинул на плечи девочки плед. Сел рядом с ней и обнял ее одной рукой.

- Я думаю, ты понимаешь, что поступила плохо. Все совершают ошибки. Но далеко не все находят в себе силы признаться в этом. Я очень хочу, чтобы мы наконец-то смогли доверять друг другу.

Моррис вздохнул и провел по плечу девочки.

- У меня есть предложение. Я знаю, что тебе нужна свобода, и мы с Жюли можем тебе ее предоставить. Как ты смотришь на то, чтобы в старшей школе жить отдельно от нас? Мы будем оплачивать тебе жилье и не будем сильно тебя контролировать. Я не знаю, будет это правильным или нет. Но надеюсь, что ты снова будешь улыбаться. У тебя очень хорошая улыбка, Юки. И знай, малыш, наш дом всегда и твой дом тоже.

Путеводная Нить

Юка не мешала забирать у нее салфетки и бутерброд, доверившись решению приемного отца. А когда на ее плечах оказался плед, позволила себе как следует в него укутаться, цепляясь за его тепло так, словно в любой момент могла его потерять, снова почувствовав холод одиночества и понимания, что никто больше не проявит по отношению к ней заботу. И, пожалуй, именно это было для нее сейчас самым страшным - осознать себя совсем одной во всем мире, как это было сразу после смерти Хирото.

- Нет, - предложение приемного отца заставила девочку восторженуться и еще сильнее ухватиться за край пледа - ставшего для нее сейчас главным островком стабильности. - Я не хочу жить одна. Я очень хочу иметь семью и чувствовать себя кому-то нужной. Мне не нужна свобода, где меня будут окружать люди, вроде Томоза,

которые только используют и предают.

Юка снова заплакала, уже не пытаясь как-то сдержаться. Сейчас она лучше, чем когда-либо поняла, ей не нужны были деньги и жилье. Она просто хотела просыпаться и с самого утра видеть людей, которым она не безразлична, и тогда, не важно сколько времени для этого должно было пройти, она снова бы научилась радоваться от души, без какой-либо оглядки на прошлое.

Моррис Фернандез

Когда девочка укуталась в плед, мужчина слабо улыбнулся своим мыслям, но через мгновение мотнул головой. Вспомнилась картина на открытии, которая просто висела в отдалении. Дочь Артема сидела на диване и куталась в плед, а вместо волос была косынка. И надпись "последний день". И написана она была совсем недавно. К слову, многие картины его дочери были написаны относительно недавно. Воспоминание об этом заставило Морриса инстинктивно покрепче прижать к себе вновь расплакавшуюся девочку.

Он тоже потерял своего ребенка. Нет, Яреци была жива, но он чувствовал, что она встретится с ним только на его похоронах. Она не звонит ему, не разговаривает с ним, ну или отвечает односложными фразами. Он ей больше не нужен, она не нуждается в нем. Может быть, она на него за что-то обиделась. А может быть он действительно не умел заботиться.

- Если честно, Юки, - начал Моррис, собираясь с мыслями, - я не хочу, чтобы ты от нас уезжала. Я буду рад, если ты останешься жить с нами, но пойму, если однажды ты скажешь, что уедешь жить в другое место. Я очень хочу, чтобы ты была счастлива и почаще улыбалась. У тебя очень хорошая улыбка, малыш.

Моррис пальцем осторожно стер слезы с ее щек и нежно поцеловал в висок. Потом похлопал по плечу.

Путеводная Нить

Слова приемного отца и тепло его объятий породили шальную мысль, что все можно вернуть назад, до момента последней совершенной ошибки. И пусть Юка старательно гнала эту мысль, пытаясь убедить себя в ее несостоятельности, та упорно возвращалась, даря надежду там, где, как казалось еще недавно, ее ждало одиночество и отчаяние.

- Я тоже не хочу никуда уезжать, - Юка подняла заплаканные глаза на сеньора Фернандеза. - Простите, что была вам плохой дочерью. Я постараюсь исправиться и больше не доставлять проблем. - Девочка попробовала улыбнуться, но улыбка получилась какой-то вымученной и мало напоминающей ее "сестру", раньше нередко появляющуюся на губах юной Одагири. - А еще... Я очень хочу кушать.

Последние слова прозвучали неожиданно для самой девочки, заставляя ее снова смутиться. Раньше чувства голода она практически не ощущала, но теперь, когда ей удалось немного успокоиться, молодой организм начал требовать свое, причем в достаточно грубой форме, которая могла быть слышна и приемному отцу, решившему не отказываться от бестолковой дочери.

Моррис Фернандез

- Неудивительно, что ты хочешь есть. А ещё, наверное, ты хочешь отдохнуть немного. Думаю, тогда можно топать домой. А потом заехать к маме и забрать ее из больницы. Зачем ей скучать там, если дома есть мы?

Моррис хотел сначала поехать за Жюли, которая волновалась за Юку и за него, но потом подумал, что для девочки будет важнее сначала покушать и привести себя в порядок, а потом можно и поехать за любимой женщиной. Надо будет ей ещё написать, что Юка нашлась, и с ней всё хорошо. Жюли обрадуется, и все вернется на круги своя. А вечером, когда Юка ляжет спать, Моррис наконец-то обнимет свою любимую и расскажет ей о выставке. И обо всем, что случилось после.

- Но если что, я не до конца простил тебя. Придется тебя наказать. Думаю, лишение карманных денег на месяц и обязательное возвращение домой после школы не такое уж и плохое наказание, - строго проворчал он, вставая с дивана и потягиваясь. - А то совсем разбалуетесь, - он усмехнулся и подмигнул.

Путеводная Нить

- Хорошо, - кивнула Юка не до конца вникнув в конкретные аспекты своего грядущего наказания. Да и она была готова практически на все, если это сулило ей прощение, до сих пор кажущееся чем-то нереальным. Но раз приемный отец звал ее домой, то шутить он, вероятнее всего, не собирался. И это позволяло девочке немного расслабиться, поверив, что сегодняшнюю ночь она проведет в своей теплой и уютной комнате.

- Я очень рада что с ма... - Юка немного споткнулась о слово, которое вроде бы уже и произносила раньше, но, скорее, формально, чем закладывая в него глубинный смысл, - мамой не случилось ничего страшного. Я бы никогда себе этого не простила.

Девочка и сейчас не до конца представляла, как посмотрит приемной матери в глаза после всего произошедшего, но послушно встала следом за сеньором Фернандезом, решая быть смелой и ответить за все совершенные ошибки. А потом, если ее отношения с приемными родителями не испортятся, начать все заново и больше никогда не попадаться на удочку людей, вроде Томоз, которому она обязательно отомстит, когда у нее появится такая возможность.

Моррис Фернандез

Моррис сомневался, что этот Томоз или его дружки могли причинить неожиданно появившейся дома женщине реальный вред. Единственный человек, который мог поступить так с кем-то, которого он знал, был уже несколько лет как мертв. Маркус рассказал ему как-то, что Мануэль чуть не убил своего брата. А ведь если бы Маркус не спас тогда своего отца, Мануэль мог бы его убить. Моррис фыркнул. Как бы он ни относился к Рикардо, такой участи ему бы не желал. Хотя когда он узнал о смерти его братца-отморозка, посетовал, что тот как-то быстро отделался. Но, как говорится, о мёртвых либо хорошо, ибо никак. Моррис предпочитал не думать о братце своей любимой Лауритты.

- Ладно, поехали домой, - Моррис помог девочке встать и накинул на ее озябшие и промокшие плечи свою куртку. Приобнял её, и они направились к выходу, где вскоре сели в такси и поехали в сторону дома.
